УДК 334.72: 342.7 DOI: 10.12737/21039

Башкатов Александр Дмитриевич, аспирант кафедры
конституционного и муниципального права,
Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева,
(Российская Федерация, г. Орел), e–mail: konst-kafedra@mail.ru

САМОРЕГУЛИРУЕМЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ СВОБОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена исследованию правовой регламентации организации и деятельности саморегулируемых организаций по смыслу конституционной свободы экономической деятельности. По мнению автора, институт саморегулируемых организаций выгодно отличается от государственного вмешательства в рыночную экономику, поскольку он позволяет самому предпринимательскому сообществу контролировать эту сферу в форме стандартизации корпоративного поведения, установления специальных и негосударственных правил и процедур.

Ключевые слова: саморегулирование, свобода экономической деятельности, конституционная экономика, государственное вмешательство.

Bashkatov A. D., graduate student constitutional and municipal law,
Orel State University. Ivan Turgenev, (Russian Federation, Orel)
e–mail: konst-kafedra@mail.ru

THE SELF-ADJUSTABLE ORGANIZATIONS IN THE MECHANISM OF REALIZATION OF CONSTITUTIONAL FREEDOM OF ECONOMIC ACTIVITIES

Clause is devoted to research of a legal regulation of the organization and activity of the self-adjustable organizations on sense of constitutional freedom of economic activities. In opinion of the author, the institute of the self-adjustable organizations favourably differs from the state intervention in market economy as it allows the most enterprise community to supervise this sphere in the form of standardization of corporate behaviour, establishments of special and not state rules and procedures.

Keywords: self–regulation, freedom of economic activities, the constitutional economy, the state intervention.

Конституционная свобода экономической деятельности органически связана с проблемой обеспечения баланса публичных и частных интересов в экономической системе[1]. Предприниматели и другие субъекты экономических отношений реализуют в своей деятельности, главным образом, частный интерес, который состоит в увеличении доходов и прибыли, приращении частной собственности, расширении бизнеса, росте доли в рынке и т.п. Частный интерес прагматичен, утилитарен, направлен на удовлетворение потребностей ограниченного круга лиц[2], однако он не всегда измеряется в денежной или поддающейся денежной оценке форме: важными средствами его выражения и

[1] См.: *Ломаев А.Ю.* Частный и публичный интерес как парные правовые категории: проблема соотношения и обеспечения баланса // Проблемы российского законодательства: история и современность. Самара: СГА, 2012. – С. 86.

[2] См.: *Горбунов М.А.* Категория интереса как определяющий фактор логико-юридического содержания норм римского частного права // Закон и право. – 2011. – № 2. – С. 49–52.

удовлетворения могут быть и моральные мотивы (признания, уважения, почета, внимания).

В отличие от этого, публичный интерес представляет собой форму выражения потребностей крупных социальных групп и общества в целом[1]. При прочих равных условиях, предпринимательская деятельность оценивается обществом в качестве позитивной, поскольку она способствует всеобщему благосостоянию, расширяет рынок товаров и услуг, стимулирует удовлетворение материальных потребностей общества. Эффективно функционирующий бизнес позволяет расширять рабочие места и финансировать государству социальную сферу за счет поступающих от предпринимателей в государственную казну налогов и сборов.

Вместе с тем, публичные и частные интересы не пребывают в состоянии полной гармонии. В связи с этим П.А.Астафичев верно подчеркивает, что «истцы желают выигрыша гражданского процесса, ответчики – отказа суда в удовлетворении исковых требований. Правонарушители хотели бы избежать юридической ответственности, правоохранительные органы – применить к ним соразмерные санкции. Налогоплательщики жалуются на высокое фискальное бремя, потребители бюджетных ресурсов – на ограниченное финансирование. Продавцы предпочитают высокую цену, покупатели – низкую. Землевладельцы заинтересованы в расширении своей территории, собственники соседних земельных участков – в сохранении или расширении границ своих угодий. Акционерам корпораций выгодно увеличивать выплату дивидендов, что входит в противоречие с интересами корпоративного менеджмента и наемного персонала. Последний, в свою очередь, стремится к более высокой заработной плате при меньших трудовых затратах, в то время как работодатели преследуют противоположные цели. И вообще, подавляющему большинству членов человеческого сообщества хотелось бы добиться максимальной успешности, благополучия и счастья. Но ввиду ограниченности ресурсов и неуклонно растущих потребностей в их потреблении, достичь этого всем и в равной степени, увы, не удается. В связи с этим конституционное право, как и право в целом, не возлагают на себя столь невыполнимую задачу, как обеспечение полной гармонизации общественных отношений. Речь может идти лишь об определенной степени сбалансированности конкурирующих принципов, интересов и ценностей»[2].

Одной из эффективных форм балансирования публичных и частных интересов в экономической системе современной России является учреждение и деятельность саморегулируемых организаций[3]. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» появился в правовой системе сравнительно недавно (первая редакция датируется 2007 годом, т.е. более чем через 10 лет после вступления в силу действующей Конституции РФ)[4]. Институт саморегулируемых организаций неоднозначно воспринимается в обществе, имеет ряд сторонников и противников, особенно вследствие юридической обязательности организации саморегулируемых структур для отдельных видов бизнеса. При этом нельзя не подчеркнуть, что сама по себе идея саморегулируемых организаций представляет собой важное направление для институционализации самостоятельности предпринимателей по отношению к государству в лице его органов исполнительной власти, следовательно – гармонизации конкурирующих интересов частного и публичного сектора. Если саморегулируемые организации в современной России функционируют недостаточно эффективно – основная причина этого, на наш взгляд, состоит не столько в ошибочности или дефект-

[1] См.: *Кузин А.В.* Содержание и виды публичных интересов // Проблемы правоведения. Калининград: РГУ им. И.Канта, 2010. – С. 3–11.

[2] См.: *Астафичев П.А.* Конституционное право России. М.: РИОР, 2016. – С. 59–60.

[3] См.: *Романовская О.В.* Нотариальная палата, публичная корпорация, саморегулируемая организация: проблемы терминологии // Нотариус. – 2005. – № 5. – С. 13–20.

[4] См.: Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. – № 49. – Ст. 6076; 2015. – № 29. – Ст. 4389.

ности правового регулирования, сколько в недостаточном использовании потенциала саморегулирования, заложенного в действующем законодательстве.

Генеральная идея предпринимательского и профессионального саморегулирования (а именно в этих сферах и функционируют саморегулируемые организации) состоит в принципе самоуправления, согласно которому как отдельный человек, так и группа людей лучше справятся со своими проблемами, чем это сделают другие. Идея коммерческого саморегулирования, разумеется, направлена против экономики «мелких лавочников» и предполагает внедрение корпоративных начал в отечественный бизнес, что не всегда благоприятно отражается на рыночной конкуренции. Но в то же время – это влечет за собой ряд весьма благоприятных социально-экономических последствий публичного и частного характера, включая снижение предпринимательских рисков, возможности вложения в НИОКР, инновационную привлекательность бизнес-проектов и т.п. Главное же с точки зрения рассматриваемой проблемы соотношения публичных и частных интересов состоит в том, что публичный интерес генерируется, формируется и обеспечивается не со стороны уполномоченных государственных органов (которые, кроме всего прочего, имеют и «свой» публичный интерес), а самим предпринимательским сообществом в форме стандартизации корпоративного поведения, установления специальных (т.е. негосударственных, саморегулирующих) правил и контроля над их соблюдением[1].

В целях обеспечения надлежащего баланса между публичными и частными интересами Федеральный закон о саморегулируемых организациях содержит ряд важных норм и процедур. В частности, саморегулируемая организация должна быть основана на членстве достаточно большого числа участников (не менее 25 субъектов предпринимательской деятельности, не менее 100 субъектов профессиональной деятельности): при меньшем числе лиц такая организация функционировать не может[2]. Саморегулируемые организации отличаются развернутой структурой органов управления (общее собрание, коллегиальный орган, возможность учреждения исполнительного органа, контрольный орган и орган по рассмотрению дел о дисциплинарном воздействии на членов саморегулируемой организации).

Наиболее важное в функционировании этих органов состоит, во-первых, в стандартизации норм корпоративного поведения, в регулировании корпоративных отношений; во-вторых, в организации дополнительного (к государственному и муниципальному) контрольного механизма поведения предпринимательского корпуса[3]. Примечательно, что анализируемый федеральный закон весьма тщательно регулирует «вторую часть» данных общественных отношений (т.е. порядок внутреннего контроля и надзора) и фактически игнорирует «первую часть» (т.е. порядок стандартизации норм корпоративного поведения, обсуждения и принятия правил саморегулирования). Возможно, данные правила следует определить предпринимательскому или профессиональному сообществу самостоятельно, однако полностью исключать

[1] См.: *Полянский Д.В.* Саморегулируемая организация в российском праве: институт гражданского общества или орган публичной власти? // Актуальные проблемы правоведения. – 2013. – № 1. – С. 17–22.

[2] Это, в числе прочего, ставит органы управления саморегулируемой организации в зависимость не только от мажоритарного большинства членов (которое принимает решения на общем собрании), но также и от меньшинства вплоть до одного участника, если его выход из членства может привести к снижению численности меньше установленной законом нормы и, следовательно, – к ликвидации саморегулируемой организации.

[3] См.: *Лескова Ю.Г.* Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социального предпринимательства // Юрист. 2013. – № 11. – С. 13–17. *Третьякова С.Б.* Саморегулируемая организация - особый субъект права // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 5. – С. 415. *Белов В.А.* Саморегулируемая организация как субъект общественных отношений // Всероссийская студенческая юридическая олимпиада 2014 г. М.: Юрист, 2014. – С. 548.

законодательное регулирование этих отношений, по нашему мнению, не следует.

Так, в законодательстве следовало бы указать, кто из членов саморегулируемой организации обладает правом инициативы внесения проекта стандартов и правил корпоративного поведения (каждый член или группа членов определенной численности), к компетенции какого органа (общего собрания или коллегиального органа управления) относится принятие обязательных стандартов и правил, в каком порядке обсуждаются проекты стандартов и правил (кто является докладчиком, допустимы ли содокладчики, в каком порядке задаются вопросы докладчику и содокладчикам, как регламентируется продолжительность выступления в прениях), каким большинством принимаются итоговые решения (простым или квалифицированным, подсчет ведется от установленного или фактически присутствующего в заседании числа членов). В законе требуется также регулирование правил кворума (при каком большинстве орган считается правомочным осуществлять свою деятельность или проводить заседание). В отсутствие подобных правил на уровне закона и при фактическом делегировании законодателем этих регулятивных полномочий органам управления самоуправляющихся организаций возникают условия для неоправданного перевеса баланса в пользу публичных интересов в ущерб частным.

С другой стороны, законодатель со всей степенью подробности регулирует порядок реализации стандартов и правил корпоративного поведения[1], разрабатываемых саморегулируемыми организациями. Степень подробности законодательного регулирования в этом случае (в отличие от предыдущего) такова, что, напротив, предпринимательское и профессиональное сообщества полностью лишены каких-либо возможностей дополнительного регулирования этих отношений по сравнению с законом о саморегулируемых организациях. Закон требует, чтобы в саморегулируемых организациях применялись меры дисциплинарного воздействия на членов за нарушение стандартов и правил, которые включают: во-первых, предписание устранить нарушение, во-вторых, предупреждение, в-третьих, денежный штраф, в-четвертых, рекомендацию об исключении из членов саморегулируемой организации. Контроль саморегулируемой организации за деятельностью своих членов осуществляется в форме плановых и внеплановых проверок: плановые проверки проводятся от одного раза в год до одного раза в три года; внеплановые проверки являются реакцией на поступившую жалобу.

Полагаем, что приведенные законоположения заслуживают критики с точки зрения соблюдения конституционного принципа баланса публичных и частных интересов. Обязывая саморегулируемые организации к применению столь широкого спектра юридических санкций (предписание, предупреждение, штраф и исключение из членства), закон фактически позиционирует органы управления саморегулируемых организаций в качестве квазигосударственных органов, т.е. органов публичной власти, преследующих исключительно публичные интересы. Однако основная их задача – не «карательная» и не «проверяющая». Контроль – одна из функций самоуправления, которая в значительной степени лишается юридического смысла при обособленном применении от функций регулирования, согласования, поиска взаимоприемлемых решений[2].

Еще большей критики, на наш взгляд, заслуживают положения анализируемого феде-

[1] См.: Котелевская *И.В.* Антикоррупционные корпоративные программы и стандарты ведения бизнеса // Законы для пользы и безопасности людей. Владимир: Атлас, 2014. С. 132. Пантелеев Б.Н. Корпоративные этические стандарты как средство обеспечения взаимодействия правоохранительных органов с общественностью и средствами массовой информации // М.: Академия управления МВД России, 2008. – С. 120–122.

[2] См.: *Улизко К.А.* Согласование административных процедур субъектами государственного и муниципального контроля с органами прокуратуры при проведении проверок хозяйствующих субъектов // Актуальные проблемы права. Хабаровск: ДВГУПС, 2012. – С. 169.

рального закона, которые обязывают органы управления саморегулируемых организаций осуществлять плановые проверки входящих в их состав членов (предпринимателей или субъектов профессиональной деятельности), периодичность которых является к тому же весьма высокой (от раза в год до раза в три года). Складывается впечатление, что в процессе регулирования данных общественных отношений законодатель проигнорировал содержание ст. 8 Конституции РФ о свободе экономической деятельности в России, гарантирующей баланс публичных и частных интересов в обществе.

С конституционной точки зрения можно согласиться, что предпринимательское сообщество имеет право на саморегулирование[1]. Добровольно объединившимся предприниматели или субъекты профессиональной деятельности могут ограничить самих себя определенными стандартами и правилами, установить собственный контрольный механизм обеспечения действия этих стандартов и правил. Законодатель вправе и обязан способствовать такой юридической возможности. Однако исходить из презумпции перманентного нарушения предпринимателями или субъектами профессиональной деятельности этих стандартов и правил, что требует от органов самоуправления постоянных и плановых проверок, носящих сплошной и всеохватывающий характер – это, на наш взгляд, явно выходит за рамки конституционно поощряемого баланса конкурирующих принципов и ценностей. Законодатель, напротив, должен исходить из презумпции добросовестности поведения субъектов правоотношений. Органы управления саморегулирующих организаций должны обладать правом учреждения института плановых проверок, но никак не могут быть обязаны законом к проведению таких контрольных мероприятий, да еще и с жестко регламентированной законом их периодичностью[2].

Рассмотренные выше формы самоконтроля в саморегулируемых организациях не означают отказа законодателя от механизма государственного контроля и надзора над предпринимательской деятельностью. Наряду с парламентским, ведомственным и иными видами государственного контроля, деятельность хозяйствующих субъектов также находится под прокурорским надзором и, дополнительно к этому – под общественным контролем. Конституционно допустимые формы вмешательства государства и общества в предпринимательскую деятельность имеют тенденцию к расширению, в связи с чем возникает проблема обеспечения сбалансированности этих механизмов правового регулирования общественных отношений.

Подобная сбалансированность может опираться, по крайней мере, на одну из следующих двух парадигм: во-первых, законодатель может отказаться от избыточного административного

[1] См.: *Петров Д.А.* Правовые и экономические предпосылки саморегулирования в сфере предпринимательства // Правоведение. – 2010. –№ 2.–С.101–124. *Лескова Ю.Г.* Саморегулирование как экономическое и правовое явление // Журнал российского права. – 2011. – № 5. – С. 48–56. *Аваев М., Василенко Н.* О «саморегулировании» как одном из способов регулирования экономических процессов в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского законодательства. М.: Ладомир, 2011.– С. 33.

[2] Заслуживает критики также норма ч. 7 ст. 4 Федерального закона «О саморегулируемых организациях», согласно которой законодатель обязывает саморегулируемые организации установить в их стандартах и правилах определенные запреты (на недобросовестную конкуренцию и т.д.). Тем самым государственная власть без надлежащих к тому оснований возлагает сугубо государственные функции на саморегулируемые организации. Полагаем, что более правильной с конституционной точки зрения была бы следующая модель правового регулирования: 1) государство устанавливает государственные правила для предпринимателей и вводит систему государственного контроля над их соблюдением; 2) саморегулируемые организации устанавливают дополнительные стандарты и правила, обеспечивая контроль их реализации; 3) государство не вмешивается в реализацию стандартов и правил саморегулируемых организаций, равно как и саморегулируемые организации не вмешиваются в контроль реализации правил, установленных государством.

вмешательства в бизнес, снять излишние правоограничения и «административные барьеры» (баланс достигается посредством минимизации государственного участия в бизнесе); во-вторых, в случае отказа от первого варианта, требуются балансирующие механизмы к уже состоявшемуся целенаправленному и широкомасштабному административному вмешательству государства в рыночную экономику. Как показывает анализ действующего законодательства и правоприменительной практики современной России, фактически отечественный законодатель отдал предпочтение второму из двух названных вариантов.

Мало того, что отечественное законодательство изобилует близкой к сплошной системе охвата бизнеса различными контролирующими структурами, включающими внутрикорпоративный, муниципальный, региональный, федеральный и общественный уровни. Дополнительно к этому законодатель вводит контролирующий механизм, который призван со стороны предпринимательского сообщества контролировать деятельность государственных и общественных «контролеров», чтобы они в своей контролирующей и надзорной деятельности не допускали чрезмерного вмешательства в свободу экономической деятельности и частный бизнес. Таковым инструментом является институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей, который действует на федеральном уровне и в субъектах Федерации[1].

Полагаем, что в условиях действующего правового регулирования подобный институт способен оказать существенную поддержку бизнес-сообществу в его «противостоянии» громоздкому и широко развернутому механизму административного вмешательства в рыночную экономику. В частности, право уполномоченных по защите прав предпринимателей участвовать в проверках хозяйствующих субъектов, проводимых уполномоченными государственными и муниципальными органами власти[2], позволяет существенным образом сбалансировать конкурирующие интересы государства и бизнеса, организовать близкую к классической систему «сдержек и противовесов» в их отношениях. Однако имеются достаточные основания полагать, что, в отличие от «текущего момента», т.е. в долгосрочной перспективе развития России, – требуется целенаправленное и последовательное замещение административных форм контроля экономической деятельности демократическими контрольными механизмами[3].

***Библиография*:**

1. Аваев М., Василенко Н. О «саморегулировании» как одном из способов регулирования экономических процессов в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского законодательства: Сборник статей. – М.: Ладомир, 2011.

[1] См.: *Станкевич Г.В.* Уполномоченный по правам предпринимателей в механизме защиты прав предпринимателей // Актуальные проблемы современного российского права. Невинномысск: НГГТИ, 2014. С. 146. *Кирилловых А.А.* Уполномоченный по правам предпринимателей: основы правового статуса в системе правозащитных институтов // Законодательство и экономика. 2013. № 11. С. 26-34. *Сергеев С.Г.* Уполномоченный по защите прав предпринимателей: специфика внеконституционного политического лобби-института // Ответственность власти перед гражданским обществом: механизмы контроля и взаимодействия. Саратов: Поволж. ин-т управления, 2014. С. 54. *Микова Е.Б.* Государственная защита субъектов предпринимательской деятельности как приоритетное направление развития законодательства о бизнесе в России: на примере учреждения Уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации // Предпринимательское право. 2013. № 4. С. 27-30.

[2] См.: Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» от 7 мая 2013 г. с послед. изм. // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305. 2015. № 48. Ст. 6718.

[3] См.: *Акопов Л.В.* Демократический контроль как государственно-правовой институт. Дисс… канд. юрид. наук. М., 1997. С. 48-53. *Иванова С.* Особенности формирования демократической системы социального контроля в РФ // Проблемы развития правовой системы современной России. Курган: КГУ, 2009. С. 39.

2. Акопов Л.В. Демократический контроль как государственно-правовой институт: дисс… канд. юрид. наук. – М., 1997.

3. Астафичев П.А. Конституционное право России. – М.: РИОР, 2016.

4. Белов В.А. Саморегулируемая организация как субъект общественных отношений // Всероссийская студенческая юридическая олимпиада 2014 г. – М.: Юрист, 2014.

5. Горбунов М.А. Категория интереса как определяющий фактор логико-юридического содержания норм римского частного права // Закон и право. – 2011. – № 2.

6. Иванова С. Особенности формирования демократической системы социального контроля в РФ // Проблемы развития правовой системы современной России. – Курган: КГУ, 2009.

7. Кирилловых А.А. Уполномоченный по правам предпринимателей: основы правового статуса в системе правозащитных институтов // Законодательство и экономика. – 2013. – № 11.

8. Котелевская И.В. Антикоррупционные корпоративные программы и стандарты ведения бизнеса // Законы для пользы и безопасности людей. – Владимир: Атлас, 2014.

9. Кузин А.В. Содержание и виды публичных интересов // Проблемы правоведения. – Калининград: РГУ им. И.Канта, 2010.

10. Лескова Ю.Г. Саморегулирование как экономическое и правовое явление // Журнал российского права. – 2011. – № 5.

11. Лескова Ю.Г. Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социального предпринимательства // Юрист. – 2013. – № 11.

12. Ломаев А.Ю. Частный и публичный интерес как парные правовые категории: проблема соотношения и обеспечения баланса // Проблемы российского законодательства: история и современность. – Самара: СГА, 2012.

13. Микова Е.Б. Государственная защита субъектов предпринимательской деятельности как приоритетное направление развития законодательства о бизнесе в России: на примере учреждения Уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации // Предпринимательское право. – 2013. – № 4.

14. Пантелеев Б.Н. Корпоративные этические стандарты как средство обеспечения взаимодействия правоохранительных органов с общественностью и средствами массовой информации. – М.: Академия управления МВД России, 2008.

15. Петров Д.А. Правовые и экономические предпосылки саморегулирования в сфере предпринимательства // Правоведение. – 2010. –№ 2.

16. Полянский Д.В. Саморегулируемая организация в российском праве: институт гражданского общества или орган публичной власти? // Актуальные проблемы правоведения. – 2013.– № 1.

17. Романовская О.В. Нотариальная палата, публичная корпорация, саморегулируемая организация: проблемы терминологии // Нотариус. – 2005. – № 5.

18. Сергеев С.Г. Уполномоченный по защите прав предпринимателей: специфика внеконституционного политического лобби-института // Ответственность власти перед гражданским обществом: механизмы контроля и взаимодействия. – Саратов: Поволж. ин-т управления, 2014.

19. Станкевич Г.В. Уполномоченный по правам предпринимателей в механизме защиты прав предпринимателей // Актуальные проблемы современного российского права. – Невинномысск: НГГТИ, 2014.

20. Третьякова С.Б. Саморегулируемая организация - особый субъект права // Административное и муниципальное право.–2013. – №5.

21. Улизко К.А. Согласование административных процедур субъектами государственного и муниципального контроля с органами прокуратуры при проведении проверок хозяйствующих субъектов // Актуальные проблемы права. – Хабаровск: ДВГУПС, 2012.

***References*:**

1. Avaev M., Vasilenko N. O «samoregulirovanii» kak odnom iz sposobov regulirovaniia ekonomicheskikh protsessov v Rossiiskoi Federatsii // Aktual'nye problemy rossiiskogo zakonodatel'stva: Sbornik statei. – M.: Ladomir, 2011. (In Russ.)

2. Akopov L.V. Demokraticheskii kontrol' kak gosudarstvenno-pravovoi institut: diss… kand. iurid. nauk. – M., 1997. (In Russ.)

3. Astafichev P.A. Konstitutsionnoe pravo Rossii. – M.: RIOR, 2016. (In Russ.)

4. Belov V.A. Samoreguliruemaia organizatsiia kak sub"ekt obshchestvennykh otnoshenii // Vserossiiskaia studencheskaia iuridicheskaia olimpiada 2014 g. – M.: Iurist, 2014. (In Russ.)

5. Gorbunov M.A. Kategoriia interesa kak opredeliaiushchii faktor logiko-iuridicheskogo soderzhaniia norm rimskogo chastnogo prava // Zakon i pravo. – 2011. – № 2. (In Russ.)

6. Ivanova S. Osobennosti formirovaniia demokraticheskoi sistemy sotsial'nogo kontrolia v RF // Problemy razvitiia pravovoi sistemy sovremennoi Rossii. –Kurgan: KGU, 2009.(In Russ.)

7. Kirillovykh A.A. Upolnomochennyi po pravam predprinimatelei: osnovy pravovogo statusa v sisteme pravozashchitnykh institutov // Zakonodatel'stvo i ekonomika.–2013.–№11.(In Russ.)

8. Kotelevskaia I.V. Antikorruptsionnye korporativnye programmy i standarty vedeniia biznesa // Zakony dlia pol'zy i bezopasnosti liudei. – Vladimir: Atlas, 2014. (In Russ.)

9. Kuzin A.V. Soderzhanie i vidy publichnykh interesov // Problemy pravovedeniia. – Kaliningrad: RGU im. I.Kanta, 2010. (In Russ.)

10. Leskova Iu.G. Samoregulirovanie kak ekonomicheskoe i pravovoe iavlenie // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2011. – № 5. (In Russ.)

11. Leskova Iu.G. Samoreguliruemaia organizatsiia kak pravovaia model' vnedreniia i razvitiia sotsial'nogo predprinimatel'stva // Iurist. – 2013.– №11. (In Russ.)

12. Lomaev A.Iu. Chastnyi i publichnyi interes kak parnye pravovye kategorii: problema sootnosheniia i obespecheniia balansa // Problemy rossiiskogo zakonodatel'stva: istoriia i sovremennost'. – Samara: SGA, 2012. (In Russ.)

13. Mikova E.B. Gosudarstvennaia zashchita sub"ektov predprinimatel'skoi deiatel'nosti kak prioritetnoe napravlenie razvitiia zakonodatel'stva o biznese v Rossii: na primere uchrezhdeniia Upolnomochennykh po zashchite prav predprinimatelei v Rossiiskoi Federatsii // Predprinimatel'skoe pravo. – 2013. –№ 4.(In Russ.)

14. Panteleev B.N. Korporativnye eticheskie standarty kak sredstvo obespecheniia vzaimodeistviia pravookhranitel'nykh organov s obshchestvennost'iu i sredstvami massovoi informatsii. – M.: Akademiia upravleniia MVD Rossii, 2008. (In Russ.)

15. Petrov D.A. Pravovye i ekonomicheskie predposylki samoregulirovaniia v sfere predprinimatel'stva // Pravovedenie. – 2010. – № 2. (In Russ.)

16. Polianskii D.V. Samoreguliruemaia organizatsiia v rossiiskom prave: institut grazhdanskogo obshchestva ili organ publichnoi vlasti? // Aktual'nye problemy pravovedeniia. – 2013. – № 1. (In Russ.)

17. Romanovskaia O.V. Notarial'naia palata, publichnaia korporatsiia, samoreguliruemaia organizatsiia: problemy terminologii // Notarius. – 2005. – № 5. (In Russ.)

18. Sergeev S.G. Upolnomochennyi po zashchite prav predprinimatelei: spetsifika vnekonstitutsionnogo politicheskogo lobbi-instituta // Otvetstvennost' vlasti pered grazhdanskim obshchestvom: mekhanizmy kontrolia i vzaimodeistviia. – Saratov: Povolzh. in-t upravleniia, 2014. (In Russ.)

19. Stankevich G.V. Upolnomochennyi po pravam predprinimatelei v mekhanizme zashchity prav predprinimatelei // Aktual'nye problemy sovremennogo rossiiskogo prava. – Nevinnomyssk: NGGTI, 2014. (In Russ.)

20. Tret'iakova S.B. Samoreguliruemaia organizatsiia - osobyi sub"ekt prava // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2013 – №5. (In Russ.)

21. Ulizko K.A. Soglasovanie administrativnykh protsedur sub"ektami gosudarstvennogo i munitsipal'nogo kontrolia s organami prokuratury pri provedenii proverok khoziaistvuiushchikh sub"ektov // Aktual'nye problemy prava. – Khabarovsk: DVGUPS, 2012. (In Russ.)